

БЕХНАЗ

ЗАРАБИЗАДЕ

ГОЛЕСТАН, 11

Военная проза

Бехназ Зарабизаде

Голестан, 11

«Садра»

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

Зарабизаде Б.

Голестан, 11 / Б. Зарабизаде — «Садра», — (Военная проза)

ISBN 978-5-907041-25-7

Эта книга посвящается памяти героя Ирано-иракской войны, молодого иранского военачальника Али Читсазийана, защищавшего свою родину до последнего вздоха. Спустя многие годы его вдова делится с читателем воспоминаниями о тех нелёгких, но безмерно счастливых днях, которые были отпущены им судьбой. Для широкого круга читателей.

УДК 821.21/.22-3

ББК 84(5)

ISBN 978-5-907041-25-7

© Зарабизаде Б.
© Садра

Содержание

О серии	6
Предисловие	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Бехназ Зарабизаде Голестан, 11

© ООО «Садра», 2019

О серии

Издательство «Садра» представляет вниманию русскоязычного читателя книжную серию «Военная проза», посвященную событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В эту серию входят художественные произведения иранских писателей, а также документальные и публицистические материалы.

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, продолжавшаяся восемь лет, с сентября 1980 по август 1988 года, унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а ее главным итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

Во имя Бога

Имя и фамилия: Захра Панахирава

Дата рождения: 07.03.1347

Заключение брака: 07.01.1365

Имя и фамилия: Али Читсазийан (разведчик и генерал 32-й дивизии «Ансар аль-Хосейн» в провинции Хамадан)

Дата рождения: 20.09.1341

Дата смерти: 04.09.1366, во время военной операции «Наср-8», Мавут

Благодарю многоуважаемую Фарзана Марди за работу над первыми интервью, а также выражаю свою признательность многоуважаемому Мохсену Сейфикару за примечания к книге и Голамрезе Солеймани, боевому товарищу покойного генерала Али Читсазийана, за искренние и доброжелательные советы.

Предисловие

Тридцать лет назад в этой квартире с едва заметным за ветками деревьев белым окном жили люди, которых сегодня нет с нами. Здесь жил Али Читсазийан со своими родителями Насером-агой и Мансуре-ханум, с братьями Садегом и Амиром и единственной сестрой Марьям.

Именно из этой квартиры Али отправился на войну, а в одной из комнат жил некоторое время со своей супругой. Мы расскажем о том самом Али, истории о храбрости и мужестве которого будут интересны не только нашим сверстникам, но и детям.

Два года назад, когда мне захотелось записать воспоминания вдов героев, павших на войне, я была в смятении и не знала, с чьей биографии начать. После долгих колебаний я решила обратиться к душам самих героев, попросив отозваться того, о ком я должна написать в первую очередь. Через несколько дней со мной связалась подруга из Тегерана, сказавшая, что её сотрудница провела многочасовое интервью с супругой покойного генерала Читсазийана и записала её воспоминания. Она спросила, могу ли я завершить начатое ими дело. У меня, конечно, не было причин для колебаний. Герой сам обратился ко мне, и я согласилась. Через два-три дня аудиозаписи интервью Фарзана Марди с Захрой (Фереште) Панахирава оказались у меня. Помню свое воодушевление в тот день.

Я начала расшифровку аудиозаписей и приступила к организации дополнительных интервью, ради которых несколько раз ездила в Тегеран. Порой и сама Панахи-ханум приезжала в Хамадан для того, чтобы поделиться оставшимися воспоминаниями.

Однажды, когда мы стояли на улице и уже прощались, она сказала, глядя на окна квартиры в доме напротив: «Какие же прекрасные дни мы прожили в этой квартире... Шестой подъезд, четвёртый этаж... Это была квартира Мансуре-ханум».

Так я узнала, что белое окно, которое можно было разглядеть из нашего дома сквозь ветви и листья деревьев, и было окном той самой квартиры, в которой жил герой войны Читсазийан. Те многочисленные воспоминания, которыми со мной делилась Панахи-ханум, связаны именно с этой квартирой. Услышав эту новость, я испытала необъяснимое чувство, причину которого так и не смогла понять. Там жил мой сосед, которого я никогда не видела... жил в квартире, очень похожей на нашу.

Позже, придя домой, я раздвинула шторы в своей комнате, чтобы снова посмотреть на то самое белое окно. В ту же ночь я передвинула свой рабочий стол к окну и ночами, записывая воспоминания Панахи-ханум, смотрела на соседний дом, представляя, что нахожусь в той квартире. Порой мне казалось, что я вижу за окном Али, поджидающего своих друзей. Я также заметила, что иногда по четвергам ночью у дверей подъезда Али устанавливали объявление, а у окна вешали флаг, на котором была надпись «Общество „Путь мучеников“».

Много дней и ночей я провела за работой, глядя на это окно и сумев пережить вместе с Панахи-ханум её воспоминания одного года и восьми месяцев.

Мансуре-ханум, мать Али Читсазийана, очень любила жизнь и своих детей. Я видела, как сильно она любит заниматься хозяйством и сажать цветы. Когда включался свет в их квартире, я видела цветы, вьющиеся по стенам и стоящие на подоконниках. Все они росли благодаря ласковым и добрым рукам Мансуре-ханум.

Сколько же всего доброго и недоброго успел повидать этот дом... Смерть членов семьи, одного за другим...

Какие тяжкие дни пережила эта улица... Дни прощания с любимыми обитателями этого дома...

Сколько же было печальных ночей в этой квартире, когда свет до утра оставался включённым. Сколько длинных и горьких ночей...

Ныне по ночам почти до рассвета всё ещё горит свет в этой и соседней квартирах.

*Бехназ Зарабизаде
Осень 1394, Хамадан*

Глава 1

Воспоминания как фильм

Проезжая мимо больницы «Абу Али», я сказала:

– Али, через несколько месяцев тут родится наш малыш.

– Здесь? – с удивлением переспросил он.

– Ну, это ведь частная больница. Она лучшая во всём Хамадане.

Али сбросил скорость машины.

– Нет. – ответил он. – Мы пойдём в ту больницу, в которую ходят бедные, а эта – для богатых. Не все могут позволить себе обращаться в подобные места.

...Я была на восьмом месяце беременности, когда в один из дней мне стало очень плохо. В четверг под вечер 31 декабря 1987 года у меня преждевременно начались схватки. О заведении Али я уже всем рассказала. В те дни квартира свекрови была заполнена гостями, и все, включая мою маму, суетились. Как только я сказала маме, что мне плохо, она тут же вызвала такси, и мы поехали в государственную больницу Фатимийе. Не успела я войти туда, как по всей больнице ураганом разнеслась весть о том, что скоро на свет появится ребёнок героически погибшего генерала Читсазийана.

Персонал больницы был очень взволнован, и я с самого начала оказалась окружена врачами и медсёстрами. Очень скоро весть разошлась по всему городу. Люди звонили в больницу и спрашивали обо мне и малыше, а мама, которая всё время находилась рядом, была вынуждена периодически выходить и отвечать на телефонные звонки. Хотя врачи констатировали, что время родов ещё не наступило, главврач дал указание уложить меня в больницу.

В ту ночь я не испытывала болей, но они начались на следующее утро. Врачи и медсёстры снова окружили меня и через несколько часов повторили прежние слова о том, что пока нет повода для беспокойства и что у меня нет признаков преждевременных родов. Но, несмотря на все мои уговоры, мне так и не позволили уехать домой.

Через несколько часов мне снова стало плохо, и мама очень встревожилась. Эти приступы повторялись несколько раз, и при каждом из них меня тут же обступали несколько медсестёр, которые после новых осмотров отрицательно качали головами и повторяли всё те же слова.

В предвечернее время в пятницу, первого января, в ночь рождения пророка Иисуса, снова начались длительные и нестерпимые схватки. Я не знаю, почему мне было так страшно, но я стыдилась всех и переживала, что со мной что-то не так и я не смогу произвести на свет малыша.

Мне было очень больно. Я так скучала по Али и ещё не успела свыкнуться с мыслью о том, что его больше не будет рядом. Его смерть стала ударом для всех, в особенности для меня, и рана разлуки в моей душе всё ещё оставалась свежей. Был тоскливый вечер, и я ушла в себя, тихонько плача и в мыслях общаясь с Али. За эти тридцать семь дней я привыкла звать его всякий раз, когда мне становилось плохо. В тот день я говорила ему:

– Дорогой Али, помоги мне! Неужели с малышом что-то случилось?! Мне стыдно перед врачами и медсёстрами. Люди ждут появления твоего ребёнка. Прошу тебя, сделай что-нибудь. Если ребёнку суждено появиться на свет, сделай так, чтобы это было быстро и без трудностей. Мне не хочется никого беспокоить и доставлять неудобство другим.

После вечернего азана боли усилились. Я с трудом встала и еле совершила омовение и намаз. Промежуток между болями вначале составлял час, затем сократился до получаса. Мама всё так же была рядом. Больше не в состоянии терпеть боль, я сказала ей, что мне очень плохо. Как и раньше, она заволновалась и побежала за медсёстрами, которые снова окружили меня, и одна из них после осмотра сказала:

– По воле Аллаха малыш появится на свет этой ночью.

Через некоторое время пришла врач и дала указание подготовить меня к родам. Меня одели в больничную форму, уложили на носилки и повезли в сторону родильного зала. Увидев маму, бежавшую за мной в слезах, я протянула к ней руку, и врач, сопровождавшая меня в тот момент, поручила одной из медсестёр выдать и маме больничный халат.

Чуть позже она пришла в зелёной врачебной одежде и встала рядом. В те затуманенные болью мгновения я молилась только за малыша. Как и все матери, я переживала за здоровье своего ребёнка, так как за эти тридцать семь дней я столько плакала и печалилась, что думала, будто рожу маленького и немощного младенца. Поскольку в те времена не было таких аппаратов ультразвукового исследования, какие мы имеем сегодня, подружки, родственники и соседки определяли пол ребёнка по опыту и форме живота. Согласно мнению многих женщин, на свет должна была появиться девочка.

Я была на третьем месяце беременности, когда погиб Амир, брат Али. Какие тяжкие были дни! Каждая минута проходила в стенаниях, печали и рыданиях, затем... ушёл на небеса Али. После его смерти я очень сильно исхудала, так как около недели ничего не могла есть и лишь пила воду. Внешне я не была похожа на прочих беременных женщин, и многие даже не могли поверить в то, что я ношу под сердцем ребёнка.

Боль, словно кровь, разлилась по всему моему телу. Я не хотела плакать, поэтому кусала губы и изо всех сил сжимала руки плачущей мамы, но когда боль усилилась, у меня тоже потекли слёзы. Мама поднесла мою руку к своим мокрым губам и целовала её. От невыносимой боли я начала звать Али, моля его о помощи.

Левую руку я поднесла к лицу, вдыхая запах обручального кольца, которое, как мне казалось, пахло мужем. Я поцеловала его и внезапно увидела Али. Он стоял передо мной и улыбался. Увидев его, я позабыла о боли и не могла поверить своим глазам! Он пришёл ко мне, живой и невредимый, смеялся и успокаивал меня.

– Али, помоги мне, – молила его я, – помоги выдержать эту боль и не кричать. Я не хочу, чтобы кто-то слышал мой голос. Прошу тебя, помоги мне.

Кусая губы, я продолжала сжимать руку мамы, которая сидела возле кровати на полу и молилась за меня. Представляю себе, как невыносимо ей было видеть мои мучения. Про себя я повторяла: «Йа Али!» – и, ничего не слыша, продолжала смотреть на мужа, который стоял в стороне и улыбался мне. Я была словно оторвана от этого мира и не понимала ничего из того, что он говорит. Окружившие меня акушерки и мама беспрестанно читали вслух салават¹.

Когда раздался голос ребёнка, моё тело ослабло и стало лёгким. Какое прекрасное чувство я испытала в тот момент! Изнурённая, я чуть приподнялась на локтях и увидела, как смеются акушерка и медсестры. Одна из них, радуясь, сказала:

– Это мальчик! Дай ему Аллах тысячу лет жизни за отца!

Все поздравляли друг друга. Акушерка, взяв ребёнка на руки, спросила меня:

– Вы видели своего красавца? Посмотрите, какой он славный!

Мой черноволосый сынок, хоть и был маленьким, но родился розовеньким и пухленьким.

Али, такой красивый и светлый, как в наши последние минуты прощания, всё ещё стоял рядом и улыбался. Он был так близко, что я чувствовала запах его тела.

– Дорогой Али, спасибо... – прошептала я ему.

Ребёнка уложили на стол рядом с кроватью и, взвесив, сказали:

– Два с половиной килограмма!

Несколько медсестёр окружили ребёнка, а мама с сияющим от радости, заплаканным лицом нагнулась и поцеловала меня.

¹ Салават – молитвенная формула благословения Пророка Мухаммада и его семьи, читаемая при упоминании имени Пророка, а также во многих других случаях (*прим. пер.*).

Оглянувшись, я увидела Али, всё ещё улыбавшегося и стоявшего по-прежнему на том же самом месте. Господи, как же я по нему тосковала! Мне так хотелось, чтобы он подошёл ближе, взял на руки своего сына и сказал мне:

– Ангел мой! Мой цветочек! Спасибо тебе за такого сына!

Мама ушла, чтобы позвонить свекрови и поздравить её с рождением внука. Акушерка и медсёстры тоже вышли, забрав с собой ребёнка, а ко мне подошли другие медсёстры и, уложив на носилки, увезли в отделение для родивших женщин. Моё тело было слабым и бесчувственным, но я всё ещё испытывала боль. Снова оглянувшись и посмотрев туда, где стоял Али, я сказала:

– Дорогой Али, спасибо! Не могу поверить, как быстро я успокоилась. Ты тоже иди со мной. Прошу тебя! Не оставляй меня одну. Я так соскучилась по тебе...

Когда мы покинули родильную палату, я уже не ощущала рядом присутствия Али. Слёзы отчаяния наполнили мои глаза и потекли по щекам.

– Дорогой Али! Я столько всего натерпелась. Я сдерживала свой гнев и не давала воли слезам, чтобы единственная память о тебе появилась на свет. Посмотри, как хорошо я справилась. Не оставляй меня, пожалуйста! Не уходи! Или заведи меня с собой. Али, я тоже хочу пойти с тобой. Вот как скоро я устала. У меня нет сил перенести разлуку с тобой. Как жаль, что ты был таким хорошим.

Помню, когда я хотела поехать с ним в Дезфуль, он сказал:

– Там идёт война. Днём и ночью падают бомбы. Я не всегда смогу быть рядом, и ты часто будешь одна. Ты сможешь выдержать это?

– Да! Зато там я смогу чаще видеть тебя! – радостно ответила я.

Если в моей жизни и были какие-то счастливые и приятные мгновения, то, несомненно, ими были те пять с половиной месяцев жизни вместе с Али в Дезфуле.

В декабре 1986 года был пик бомбёжек, и снаряды ежедневно сыпались на города Дезфуль и Ахваз. Али тогда спросил меня:

– Поедешь со мной?

– Разве можно? – с подозрением спросила я.

Ночью мы вместе собрали всё необходимое: швейную машинку, утюг, кастрюли, тарелки и другие кухонные принадлежности, а также чемодан одежды и всякой мелочи. Наутро всё это мы загрузили в машину и поехали в Дезфуль.

За последние двадцать семь лет я очень часто размышляла о тех днях. Каждый раз, когда моё сердце тоскует по Али, я вспоминаю декабрь 1986 года, который мы вместе провели в Дезфуле. И вправду, моя счастливая жизнь с Али была именно в те самые дни. Все те воспоминания, которыми я с вами делюсь, до сих пор со мной. Для меня до сих пор удовольствие видеть апельсиновые и мандариновые деревья и ощущать аромат листьев лимонов и эвкалиптов, напоминающий приятный запах той счастливой зимы, которую мы провели вместе.

Первые месяцы после гибели Али я день и ночь часами лежала под одеялом, закрывала глаза и просматривала свои воспоминания, будто художественный фильм. Просмотр периодически прекращался из-за того, что кто-то входил в комнату, или по какой-то другой причине, но я снова возвращалась к нему, как в ту ночь в больнице Фатимийе в Хамадане, когда я была в полусонном состоянии из-за обезболивающих, которые мне вкололи после родов. Как и все беременные, я скучала по своему мужу и очень хотела, чтобы он был рядом. В ту ночь я накрылась больничным одеялом, пропахшим йодом, спиртом и лекарствами, и, закрыв глаза, начала вспоминать день, когда мы приехали в Дезфуль. Я очень люблю этот фрагмент моих воспоминаний...

В пятницу 10 января 1987 года мы прибыли в наш дом в Дезфуле. Он совсем не был похож на то, что я представляла по пути из Хамадана. Это был новый полуторазэтажный дом

безо всяких удобств в маленьком пригороде Дезфуля под названием Пансад Дастгах. Раньше нас туда приехал вместе с женой и маленькой дочкой Зейнаб друг Али, Хади Фазли².

Какими же мы были уставшими в ту ночь! Наскоро расстелив постель, мы сразу легли спать, а рано утром проснулись от громкого шума, поднятого Али. После утреннего намаза он пошёл за хлебом, а затем, намеренно шумя, пытался таким образом разбудить всех. Мы спали в холле, а Хади с семьёй – в гостиной. Я проснулась и быстро собрала постель, а Хади помог Али постелить на пол скатерть для завтрака.

Позавтракав, Али и Хади надели военную форму и собрались уходить.

– Когда вы вернётесь? – спросила я.

Али со своим ярко выраженным хамаданским акцентом ответил:

– Неизвестно. Каждый день будет приходить солдат, и если понадобится сделать какие-то покупки или что-то ещё, говорите ему обо всём, что вам необходимо.

Когда Али и Хади, закрыв за собой дверь, ушли, я ощутила одиночество и тут же поспешила чем-то себя занять, решив сначала рассмотреть повнимательнее дом, в котором нам предстояло жить.

Дом имел небольшой, компактный двор, в котором находилась уборная. Я сразу заметила, что стены и кирпичное строение были возведены недавно. Немного прогулявшись по освещённому солнцем двору, я поднялась на маленькую и узкую террасу, через которую можно было пройти в другую часть дома. Относительно просторный коридор вёл к небольшой гостиной. На кухне не было никаких удобств: ни мебели, ни кафеля, и, насколько я могла разглядеть, повсюду лежал слой пыли и свисала паутина. В конце коридора я обнаружила лестницу из двенадцати ступенек, которая вела к подвалу с двумя комнатами: одна из них была большой с маленьким окном, а другая – узкая, с высоко расположенным на стене маленьким окошком, смотрящим на безлюдный небольшой двор. С потолка свисала лампа, еле освещавшая комнату, которая впоследствии стала нашей с Али.

Мы с Фатимой решили, что, пока Зейнаб, которой тогда было полтора года, спит, имеет смысл воспользоваться случаем и быстро привести дом в порядок. Сняв чадры и повязав косынки, мы первым делом убрали грязную скатерть и занялись поисками метлы. Вдруг нас оторвал от дел пронзительный звук сирены воздушной тревоги. Фатима тут же ринулась к дочери, схватила её на руки, и вместе мы побежали в подвал. Помню удивлённые и недоумевающие глазки Зейнаб в тот момент, малышка была ещё совсем сонная. Она заплакала, и как бы мы ни старались, нам не удавалось её успокоить. Звук сирены усилился, дом дрожал.

Мы в страхе сидели на полу. Зейнаб кричала и плакала, а мы боялись того, что происходит снаружи. Спустя полчаса девочка успокоилась, но от голода начала капризничать. Как только шум стих, мы решились подняться наверх. Немного придя в себя, Фатима взяла детскую бутылочку и начала её мыть, а я принялась разжигать плиту, но тут вновь раздался звук сирены. На этот раз мы испугались не так сильно, но всё же снова побежали в подвал.

Прошло ещё около получаса, но солдат, о котором говорил Али, так и не пришёл. На этот раз мы поднялись наверх прежде, чем смолкла сирена. Фатима наполнила бутылочку молоком и начала кормить дочь. Затем, немного переждав и надев чадры, мы вышли из дома и удивились тому, что люди ходят по улице как ни в чём не бывало. Мы не могли понять, как во время налёта люди сохраняли спокойствие и продолжали вести свою обычную жизнь. Пройдя немного выше по улице и дойдя до местной пекарни, мы обнаружили очередь, выстроившуюся за хлебом. Пекарь, высокий худощавый мужчина, с особым наработанными годами мастерством

² Хади Фазли родился 4 июня 1962 г. в области Мерйандж, провинция Хамадан. Погиб во время боевой операции «Мерсад» 29 июля 1987 г. в районе Чарзир близ города Исламабад. Хади Фазли был одним из старейших членов дивизии и перед смертью являлся командующим второго корпуса дивизии «Ансар аль-Хосейн» провинции Хамадан.

раскатывал тесто, слегка подпрыгивая, подходил к печи и лёгкими движениями набрасывал тесто на раскалённые стенки тандыра.

Напротив пекарни находились фермерское хозяйство и магазинчик, где продавались местное молоко, сметана и масло. Увидев это место, Фатима испытала искреннюю радость, а я обрадовалась магазину в начале улицы, где продавался готовый суп.

– Завтра утром будем есть суп! Я угощаю! – воскликнула я.

...Несколько сестёр вошли в палату, стянули с меня одеяло, вынудив открыть глаза. Медсестра, которая стояла впереди, спросила:

– Вы хорошо себя чувствуете?

Я удивленно посмотрела на неё. Меня словно резко перенесли из другого мира и бросили на эту кровать.

Тут же подошла вторая медсестра и, заворачивая мне рукава тонкого больничного халата розового цвета, который на меня надели в диагностическом кабинете, взволнованно спросила:

– У вас точно всё хорошо?

Я не знала, что им ответить. Одна из медсестёр, видя мою замкнутость и неразговорчивость, достала тонометр и принялась измерять мне давление. Надев на мою руку манжетку и вставив себе в уши трубки стетоскопа, она пристально всматривалась в стрелку на циферблате манометра. Через некоторое время, сняв стетоскоп, она повернулась к другой медсестре и сказала:

– У неё очень низкое давление.

Вторая медсестра в недоумении посмотрела на меня и спросила:

– А где ваша капельница?

Я не понимала, почему мне задают такой вопрос, и просто продолжала молчать. В это время первая медсестра вышла из комнаты и вернулась с тележкой, на которой стояло множество лекарств. Она начала подготавливать капельницу, а вторая медсестра взяла журнал, висевший на моей кровати, и спросила:

– Разве доктор вас не осматривал?

Поставив мне капельницу, первая медсестра, улыбаясь, сказала:

– Появление вашего сына настолько всех обрадовало, что мы совсем позабыли о его матери.

Я улыбнулась в ответ на эти слова и, видя, как она добавляет лекарство в мою капельницу, невольно вспомнила картинку, которую Али нарисовал, когда лежал в больнице в Сасане. Он изобразил раненую птицу с подбитым крылом, из которого текла кровь.

– Как ребёнок? – спросила я у медсестры.

Положив руку мне на плечо и тепло улыбаясь, она ответила:

– Всё хорошо. Он такой игривый и развлекает всю больницу. Ваша мать отправилась в комнату для новорождённых и взяла его на руки, чтобы показать тем, кто стоял за стеклом и не мог войти внутрь.

Затем сестра собрала свои вещи и положила их на передвижной столик.

– Вы должны полежать с капельницей около часа. Я добавила несколько седативных препаратов, так что скоро вас начнёт клонить ко сну.

После того как медсестра ушла, я начала осматривать палату, в которую меня перевели. Круглые белые часы, висевшие напротив меня, показывали 13:30. Я хотела встать и выключить яркую флуоресцентную лампу на потолке, но, как ни старалась приподняться, у меня не хватило сил.

«Где же мама? Почему она не возвращается?» – взволнованно думала я.

Моё терпение истощалось. Глядя на капли, медленно стекавшие по трубке капельницы в мою руку, я раздумывала, почему у меня никак не получается заснуть.

Как же тихо и спокойно было вокруг. Я посмотрела на пустую кровать слева от меня и подумала, что здесь мог бы остаться Али, если бы он этой ночью пришёл ко мне. Хотя... возможно, он и не смог бы приехать, так как был бы в это время на какой-нибудь важной военной операции. В тот момент мне страшно захотелось, чтобы время повернуло вспять. Какие же замечательные дни у нас были в Дезфуле...

Я вспомнила тот день, среду 14 января 1987 года, когда мы с Фатимой подметали комнаты, снимали пыль со стен и потолков, но, несмотря на все усилия, нам никак не удавалось обжить этот дом и придать ему хоть немного уюта. Чувствовалось отсутствие ковров, занавесок, которые скрыли бы изъяны комнат. Что бы мы ни делали, сколько бы ни чистили – всё было бесполезно.

Около 10 утра кто-то постучал в дверь, и мы подумали, что это тот самый солдат, который приходил каждый день. Надев чадру, я подошла к двери и спросила:

– Кто там?

Незнакомый голос ответил:

– Это я, помощник Али. Меня зовут Саид Садакати. До сих пор, вспоминая тот день, я говорю себе, что лучше бы мы не ездили в Ахваз, лучше бы нас вообще не было дома и я не открывала бы ту дверь, тогда всё могло бы сложиться совсем иначе. Но, к сожалению, я всё же открыла её. И хотя мне даже хотелось проявить сопротивление, по какой-то причине я не стала возражать. До сих пор не знаю, почему мы всё же уехали с Саидом Садакати, если я этого не хотела.

...Какая-то медсестра стояла над моей головой. Она смотрела на меня и улыбалась, открыла клапан капельницы, и остатки лекарства быстрее потекли по трубочке. Убрав в сторону одеяло, она сильно надавила на мой живот, и я сморщилась от боли. Не обращая на это внимания, она снова надавила подобно тому, как оказывают первую помощь больным с сердечным приступом. Не сдержавшись, я вскрикнула, и медсестра, поспешно натянув на меня одеяло, сказала:

– Простите, что причинила вам боль, но это было необходимо.

Я кивнула, и она, сняв капельницу с моей руки, бросила её в мусорное ведро. В это время в палату вошла мама с букетом цветов. Положив их на стол между двумя кроватями, она встала рядом со мной и спросила:

– Дорогая, как ты?

– Всё хорошо, – ответила я, всё ещё испытывая сильную боль в животе.

Мама стала поправлять мне одеяло и платок на голове и с радостной улыбкой добавила:

– Ты даже не представляешь, что это за чудесный ребёнок. Машалла³! Все только и делают, что звонят и спрашивают о твоём состоянии, начиная с офиса имама пятничной молитвы и заканчивая людьми из муниципалитета. Все вокруг очень переживают за тебя.

– Мне так хочется, чтобы и Али позвонил... Если бы он был жив... – с грустью сказала я.

К горлу подступил огромный ком. Я попросила маму выключить свет, чтобы я могла заснуть и увидеть во сне Али или хотя бы закрыть глаза и погрузиться в воспоминания о днях, которые мы прожили вместе.

Мама взяла со стола принесённые ею белые лилии и, поднеся к моему лицу, сказала:

– Ты только почувствуй их чудесный аромат.

Я вспомнила день, когда хоронили Али, и то, как он лежал в табуте⁴, доверху покрытом цветами. Его душа, словно мотылёк, порхала среди благоуханных цветов райского сада.

³ Машалла – арабское ритуальное молитвенное восклицание: знак изумления, радости, хвалы и благодарности Богу (*прим. ред.*).

⁴ Табут – погребальные носилки с раздвижной крышей (*прим. ред.*).

– Если бы был какой-нибудь графин, я бы могла поставить цветы в него. Иначе до утра они завянут, – сказала мама, открыв дверцу маленького холодильника.

– Снег идёт?

Мама с цветами в руках подошла к окну и, выглянув на улицу, ответила:

– Нет, но, судя по погоде, если не этой ночью, то утром точно пойдёт.

Я вспомнила день, когда в городе начался сильный снегопад.

– Мама, помнишь 23 января прошлого года, как в пятницу друзья Али привезли его из Исфахана? Какой же ужасный был день.

Куда-то положив цветы, она подошла ближе и легла на соседнюю кровать.

– Тебе не спится?

– Мама...

По моему голосу она поняла, как мне грустно и больно.

– Да, моя родная.

– Помнишь?

– Как же я могу не помнить, моя милая. Какой же тогда был сильный снегопад и гололёд. Его привезли к нам домой, и я положила его матрас рядом с печкой, чтобы он не заболел, приготовила ему куриный суп, а он ел его и восклицал: «Как вкусно! Спасибо вам»...

Слёзы невольно потекли из моих глаз.

– Мама, Али перенёс очень большие испытания. Тогда я не говорила тебе об этом, чтобы ты не переживала, но мне было очень тяжело.

Мама положила голову на подушку и, повернувшись в мою сторону, сказала:

– Твоя награда у имама Хосейна и имама времени, иншалла...

Я смотрела на потолок и на лампы, висящие у меня над головой, и думала о том, как же быстро произошли все события в моей жизни.

Мама лежала на правом боку без одеяла. Я с трудом поднялась с кровати, укрыла её и, как обычно, поцеловала в шею, от которой всегда исходил какой-то особенный, блаженный для меня запах, а потом, выключив свет, вернулась к своей кровати.

За окном медленно шёл снег, а небо казалось светлее обычного.

Проснувшись утром, я тут же бросила взгляд на соседнюю кровать и обратила внимание на молитвенный коврик, который мама постелила на полу, чтобы совершить намаз.

– Салам. Доброе утро, мама, – тихонько сказала я.

Дочитав намаз, она поднялась с чётками в руках и, подойдя ко мне, взяла за руку.

– Салам, моя дорогая. Как ты?

– Всё хорошо, слава Богу.

Лицо матери было осунувшимся и печальным. Я подумала, что мне так кажется из-за её немного неухоженного вида, платка и чёрного одеяния, но в сердце затаилось беспокойство, что, возможно, её что-то волнует.

– Мама, как ребёнок? С ним всё хорошо?

– Лучше всех, – улыбнувшись, ответила она. – Рано утром я ходила к нему проведать. Он спокойно спал, как ангелочек. А ты сама как? У тебя где-то болит?

– Нет, всё хорошо, – сказала я, отрицательно покачав головой. – Как папа, Ройя и Нафисе?

Мама снова улыбнулась.

– Все прекрасно себя чувствуют. Через пару часов я позвоню им, и ты сможешь с ними поговорить. Слава Богу за то, что у нас теперь есть телефоны. Стало намного легче связываться с близкими.

Когда мы были в Дезфуле, каждый раз, когда я скучала, я ходила в отделение телефонной связи и звонила Сакине Ругани, нашей соседке, проживавшей через несколько домов от нашего в начале улицы. Приходилось очень долго ждать, пока мама или кто-то ещё подойдёт к

телефону. В последнее время я приноровилась к этой системе и, позвонив Сакине, говорила: «Позовите, пожалуйста, маму. Я перезвоню через полчаса».

Мама села на кровать и начала перебирать чётки, читая молитву. Я сказала ей:

– Помнишь, как я звонила Сакине домой? Однажды из-за телефонного звонка мы даже чуть не погибли.

Мама резко перестала перебирать чётки и испуганно посмотрела на меня.

– Не бойся, – засмеялась я, – я же жива.

Она продолжила молиться и слегка покачивала головой.

– Ты всегда говорила мне, что всё в порядке, что ты ходишь к подругам в гости.

– Я не обманывала. Мы ходили в гости, но опасные происшествия тоже случались. Однажды у меня сильно заболел живот, а Али к тому времени не был дома уже неделю. Я проснулась с сильной болью в животе, которая не прекращалась до глубокой ночи. Бедняжка Фатима пыталась всячески помочь, но ничто не спасало меня от боли. Была середина недели, и я даже не надеялась на то, что Али вернётся. Вечером я с ужасом подумала, что же делать, если посреди ночи мне станет хуже, и представила, как было бы хорошо, если бы уже наступила пятница и Али смог вернуться. Клянусь Богом, мама, в ту же минуту я услышала звук двигателя машины Али, которая заехала к нам во двор. Полагаю, было около половины третьего, когда он вошёл в дом и, увидев меня, вздрогнул от испуга, несмотря на то, что его собственное состояние в тот момент было намного хуже, чем моё. Он был весь пыльный, усталый, с опухшим лицом и похож на человека, который не спал целую неделю.

– Что с тобой? – тут же спросил он меня.

– Я не знаю. У меня с утра очень сильно болит живот.

К тому времени водитель, который привёз Али, уже отъехал. Али тут же с порога ринулся к дому нашего соседа Садега, чтобы попросить у него ключи от машины. Получив их, он повёл меня и Фатиму к машине, посадил в неё, и мы все вместе поехали в больницу. Подъехав к ней, Али сказал:

– Дорогая, я очень устал. Можешь пойти сама?

Выключив двигатель, он положил голову на руль и добавил:

– Если возникнет какая-то проблема, позовите меня.

Осмотрев меня, врач предположил, что, возможно, боли связаны с аппендицитом, и направил на сдачу анализов, настояв на том, чтобы всё было сделано как можно быстрее. Сдав все необходимые анализы, я показала результаты врачу, и, посмотрев на них, он облегчённо вздохнул:

– Слава Богу, ничего серьёзного.

Врач прописал несколько лекарств, которые я сразу же купила в больнице и вернулась к Али с полным пакетом. Нас не было около двух часов.

– О господи! – не сдержавшись, вскрикнула я, увидев, что Али спит в машине в таком же положении, в котором я его оставила.

Мне пришлось разбудить его, и мы отправились домой. Поскольку мне стало лучше, я с интересом смотрела из окна машины на то, что происходит вокруг. Была ночь на 15 шаабана⁵. Хотя в Дезфуле осталось мало людей, те, кто не покинул город, очень постарались создать праздничную атмосферу. Посреди улиц было расставлено множество цветочных горшков, деревья украшены разноцветными светящимися гирляндами, а жители улиц с коробками в руках раздавали проезжим сладости... Под впечатлением от увиденного я то и дело вскрикивала и восторженно просила Али посмотреть то налево, то направо. Видя, как меня обрадовало происходящее на улице, он, несмотря на собственную усталость, стал катать нас по соседним районам.

⁵ Это время особо отмечается в Иране как день рождения последнего 12-го имама Махди (прим. пер.).

– Да, милая, любуйся. Я вижу, как тебе нравится, – говорил он.

Нас не было достаточно долго, и, вернувшись домой, мы увидели в начале улицы Хади. Зейнаб так и не дала ему поспать ночью.

...Мама закончила молиться и стала складывать молитвенный коврик, а я, почувствовав, как проголодалась и насколько ослабело моё тело, захотела встать, чтобы поесть чего-нибудь, но, не успев откинуть одеяло, испытала сильное головокружение. Нагнулась, чтобы найти свою обувь под кроватью, и перед глазами всё почернело, а сердце словно перестало биться.

– Мама... – с трудом выдавила я.

Она торопливо подбежала ко мне и взяла за руку.

– Что с тобой, родная? Почему ты так побледнела? Что случилось?

– Всё тело онемело. Я будто ослепла и ничего не слышу.

Мама снова уложила меня на кровать и выбежала из палаты.

Через некоторое время я пришла в себя и обнаружила рядом нескольких медсестёр.

– Открой рот, милая, – сказал родной голос.

Я почувствовала сладкий вкус сока, который небольшими каплями просачивался мне в горло, и ощутила, как постепенно силы начали возвращаться ко мне. Неожиданно и резко почувствовав жажду, я быстро выпила весь сок из стакана.

– Слабость из-за очень низкого давления. Ей нужно позавтракать, – сказала медсестра.

Мама подтянула к кровати стальной столик, на котором стоял мой завтрак, и стала меня кормить, давая кусочки хлеба с вареньем. От изнеможения у меня тряслись губы, как будто я не ела несколько лет. Мама поднесла к моему рту стакан, и я почувствовала вкус горячего молока.

– Я добавила немного сахара, – сказала она.

Мамина рука, в которой она держала стакан, дрожала. Я взяла его обеими руками, чтобы поднести ко рту и удержать, но стакан затрясся так, что застучал по моим зубам. Мама стиснула его пальцами, чтобы я смогла выпить молоко, и сказала:

– Я забыла тебе сказать. Вчера звонила Фатима, мама Зейнаб. Она спрашивала, как ты.

Всякий раз, когда я слышала имя Фатимы, я вспоминала Дезфуль. Несмотря на то, что мы жили в горячей точке, это всё же были лучшие дни моей жизни.

Мама терпеливо кормила меня кусочками хлеба, намазанными вареньем.

– Тебе лучше?

Меня всё ещё сотрясала дрожь, не было сил разговаривать, и я просто хотела быстрее проглотить всю еду, что была на столе. Понимая моё состояние, мама больше ничего не сказала и лишь тихонько отламывала кусочки хлеба и кормила меня.

Неожиданно для себя самой я улыбнулась.

– Чему ты улыбаешься? – удивилась мама.

– Я вспомнила Дезфуль. Как же там было хорошо...

– Да полно тебе, – сказала мама, продолжая меня кормить.

– Нет, клянусь, я говорю правду.

– Ладно, не клянись. Верю, – улыбаясь, ответила она. – Дезфуль – хороший город. В прошлом году, когда мы ездили к вам, я убедилась в этом. Нам тоже там понравилось. Хорошая память нашему Али.

– Хорошая ему память, да, мама. Как же правильно вы поступили, решив приехать к нам. Как же прекрасно мы тогда провели время. Вечером накануне вашего приезда мы с Фатимой сидели на лестнице во дворе и думали, что приготовить на ужин.

– Ты приготовила подливку из фасоли.

– Да, я её очень люблю, но Фатима тогда сказала, что фасоль на ужин лучше не готовить.

– О! А как эту подливку любил Али! – засмеявшись, сказала мама, помня, что Али не переносил этого блюда.

– Во время готовки я взяла целую тарелку фасоли, насыпала в кастрюлю и подумала, как же будет забавно, если Али придет в этот момент. Бедняжка, он мучился не только от фасоли, а от всего, что вызывало вздутие и дискомфорт в желудке. Фатима тогда резала луковицу, и мы разговаривали, вместе проливая слёзы. Она жарила лук на своей газовой переносной плите, а я готовила фарш на своей. Открыв крышку кастрюли, я увидела, что фасоль увеличилась в два-три раза, и воскликнула: «Фатима, мы теперь должны всё это съесть?!» Помню, что в тот день на улице были слышны звуки из соседнего дома, куда пришли гости. Фатима с грустью сказала: «Как было бы хорошо, если бы и у нас были гости...» И мы стали думать о том, чтобы пойти к соседям и украсть их гостей, как вдруг за дверью оказались вы.

– Был десятый день Навруза, у нас дома не было света, и мы спонтанно решили приехать к вам на машине вашего отца. Я, Нафисе и Ройя сидели сзади, а твой дядя впереди с отцом. Мы не знали дороги и столько блуждали, прежде чем найти ваш городок, кольцевую Фатх ал-Мубин и вашу улицу Голестан и 11-й переулок... В темноте, когда ничего вокруг не было видно, а твой отец к тому же не осмеливался включить фары, мы сделали столько кругов, спрашивая у всех: «Где Голестан, 11, дом 215?» Вдруг мы увидели, что какая-то машина с включёнными фарами едет нам навстречу. Немного погодя мы поняли, что это Али.

– Мы тогда сидели во дворе и, услышав ваши голоса, никак не могли поверить, что это вы.

– Какие же чудесные воспоминания...

– Как только я открыла дверь и увидела вас, мне как будто подарили весь мир. Как же я была тогда счастлива!

– Помнишь, как я сама взялась за дело и приготовила рис с подливкой? – убирая завтрак, спросила мама. – А на следующий день твой отец, дядя и Али отправились в зону боевых действий. Мы же пошли в имамзаде Сабзе Гоба⁶.

– Вы уехали домой на тринадцатый день после праздника, – глубоко вздохнув, ответила я, – и тогда на меня будто обрушились все печали мира. Я так сильно переживала, что Али не поехал на военную базу и всю ночь отвлекал и развлекал меня, чтобы я не нервничала, пока вы были в пути домой. Ночью Али сказал: «Думаю, твои родители уже благополучно доехали. Позвони Сакине и поговори с ними, сколько хочешь».

Взяв поднос с остатками завтрака, мама вышла из палаты. Почувствовав себя лучше, я решила встать и посмотреть из окна. Снег медленно ложился на землю, постепенно наступало утро, и небо становилось светлее. Мне захотелось как можно скорее увидеть своего сына. Про себя я подумала тогда: «Али, ты ведь видел нашего сына?» При мысли, что его уже нет с нами и что у нашего ребёнка не будет отца, я почувствовала боль в сердце и дрожь по всему телу.

– Как же я смогу вырастить его в одиночку?

Мне было так жаль нашего малыша.

Подняв глаза, я увидела Али. Он смеялся и появлялся везде, куда бы я ни посмотрела: возле меня, у окна, у изножия кровати, за окном под снегопадом... В один момент мне показалось, что он повсюду, словно снежинки, он появлялся то тут, то там.

За окном продолжал идти снег, заполнявший всё вокруг, как вдруг приятный запах, похожий на аромат лимонных деревьев, наполнил мою палату. Это был запах весны... запах Али. Не сдержавшись, я сказала:

– Али, ты должен беречь нас. Я не справлюсь одна.

Мне показалось, что Али засмеялся и, как обычно, качая головой, нежно сказал:

– Хорошо, мой цветочек.

⁶ Имамзаде называют могилы праведных потомков Пророка Мухаммада, ставшие местом паломничества. Сабзе Гоба – брат восьмого имама Резы, который из-за несправедливости и притеснений во времена правления Аббасидов, а также с целью распространения идей отца и брата ушёл из Медины и скончался в 19-летнем возрасте вдали от родины. Его могила и храм находятся в провинции Дезфуль (*прим. пер.*).

С этими мыслями я смогла глубоко вздохнуть и ощутила внутри растущее чувство радости и облегчения.

...Время было полдвенадцатого, я не могла поверить, что столько спала. Мама всё ещё не было в палате, а белые лилии уже стояли в графине на холодильнике. Снег прекратился, но небо было мрачным. Фиолетовые занавески, украшенные жёлтыми и оранжевыми цветочками, с обеих сторон окна были аккуратно собраны. Сама палата была очень чистой и приятно пахнущей. Я поднялась, села на кровати и почувствовала, что мне уже намного лучше, больше нигде не болело. Посмотрев на окно и занавески, я снова погрузилась в мысли. Какими же эти занавески казались знакомыми. Тут я вспомнила, что мы покупали похожие нам домой в Дезфуле.

Спустившись с кровати, я подошла к окну, чтобы потрогать эти занавески и вдохнуть их запах. Для меня они запахи Дезфулем...

Я отошла от окна, прошла вдоль палаты и остановилась у порога. Коридор больницы был очень чистым и безлюдным. Около комнаты медсестёр я увидела маму. Она разговаривала по телефону и, увидев меня, улыбнулась и помахала рукой. Вскоре, положив трубку, она пошла в мою сторону и, приблизившись, спросила:

– Ты проснулась, милая?

– Я так много спала, – улыбнувшись ей, ответила я.

– С утра отвечаю на телефонные звонки. – сказала она, взяв меня за руку. – Говорила всем, что ты спишь, чтобы не соединяли с твоей палатой.

– А в чём дело? – спросила я настороженно. – Что-то случилось?

Мама отвела меня к уборной и сказала:

– Умойся. Тебе станет лучше.

Она открыла дверь уборной, где внутри всё сверкало белизной от чистоты.

– Звонят все: родственники, друзья, знакомые и даже незнакомые, – продолжала мама. – Все спрашивают о твоём состоянии: твои дяди, их жёны...

Посмотрев в зеркало на своё лицо и круги под глазами, я заметила, какой стала бледной и измождённой.

Умывшись, я вдруг подумала, что уже давно не узнавала о последних новостях нашей семьи, поэтому, выйдя из уборной, спросила у мамы:

– А с кем ты сейчас разговаривала?

– С Вахидом, твоим двоюродным братом.

Услышав его имя, я подумала: «Ах, это был он... Бедный Вахид...»

Вернувшись к себе в палату, я села на кровать и погрузилась в воспоминания, как однажды Али привёз Вахида в Дезфуль.

– Ложись, дорогая, – снова взяв меня за руку, сказала мама.

– А сколько мне ещё нужно здесь находиться? Почему ко мне не приносят ребёнка?

– До утра.

– С ним всё в порядке? Может, что-то не так? Прошу, скажи мне правду.

– Опять ты капризничаешь? – накрыв меня одеялом, проворчала она. – Клянусь, я говорю тебе правду. Или тебе хочется, чтобы тебе ввали?

Я закрыла глаза и почувствовала, как мама вытерла мне лицо полотенцем, поправила платок и опустила рукава больничной рубашки. Я обняла её и, как обычно, поцеловала в шею.

– Как же ты вкусно пахнешь.

– После обеда тебя придут навестить, – ответила она, поправляя мне простыню и одеяло.

Как же тяжело... Я никогда и мысли не допускала, что буду лежать на этой больничной кровати, зная, что Али никогда не придёт, ведь я всегда мечтала о том, что эти дни будут счастливыми и мой муж будет со мной рядом. Кто мог подумать, что в день рождения нашего ребёнка все будет в трауре и слезах? Можно ли представить дни более тяжёлые, чем эти?

– Родная, ты спишь? – робко спросила мама.

Как же мне не хватало Али. Как же я соскучилась по нему и как сильно нуждалась в его тёплых руках. Моё сердце так неистово истосковалось по громкому плачу навзрыд.

– Ты так быстро уснула...

Я не открыла глаза и не ответила маме, поняв, что она сидит на кровати и расстёгивает молнию на своей сумке. Став матерью, я почувствовала, как усилилась моя собственная привязанность и любовь к маме, я так переживала за неё, что не хотела становиться причиной лишних проблем и беспокойства.

Медленно приоткрыв глаза так, чтобы мама не заметила, я стала подглядывать за ней. Она сидела на кровати, повернувшись немного боком, смотрела на фотографию и что-то тихонько шептала. Её плечи задрожали.

«Наверное, – подумала я, – у неё в руках фотография Али». Как же я соскучилась по нему... Какое-то странное и тяжёлое чувство, казалось, поселилось во мне навсегда.

Я была не в силах перенести разлуку с Али и на мгновение почувствовала, что умру, если сейчас не увижу его. Мне очень захотелось забрать эту фотографию у мамы любым способом.

– Мама, что ты делаешь?

Вздрыгнув от моего голоса, она быстро спрятала фотографию в сумку и положила её под подушку.

– Это была фотография Али? Дай мне, я тоже посмотрю.

Мама ничего не ответила и лишь принялась быстро вытирать слёзы.

– Мама... – сквозь ком в горле сказала я. – Я очень соскучилась по нему...

– Фотография? – как ни в чём не бывало спросила мама. – Какая фотография? О чём ты говоришь?

Глаза её покраснели. Я знала, что она всегда носит с собой в сумочке маленький альбом с семейными фотографиями. Уже больше года вместе с фотографиями всех членов нашей семьи она носила и фотографию Али.

– Мама. Ради Бога, дай мне посмотреть.

Видимо, пожалев меня, она неохотно достала сумку из-под подушки, вытащила оттуда фотографию и протянула мне. На ней был изображён смеющийся бородатый Али. Это была та самая фотография, на которой он стоял вместе со своими сослуживцами. На всех были чёрные платки, обмотанные вокруг шеи. Мама аккуратно вырезала с той фотографии лицо Али и положила рядом с моим фото.

– Он сделал эту фотографию в прошлом году, в январе... Были дни мученической гибели Фатимы аз-Захры, которые совпали с военной операцией «Кербела-5». В ту ночь Али пришёл домой с целым рулоном чёрной материи и спросил: «Родная, можешь сшить из этого рулона несколько платков?» Материал был хороший, который не износился бы даже после многочисленных стирок. Я тогда удивлённо спросила у него: «Столько платков?» А он ответил: «Мы всей военной частью договорились в этом году в знак уважения к Фатиме аз-Захре надеть чёрные платки». Я развернула рулон и, готовая приступить к делу, спросила: «Какого размера?» Первые несколько платков мы с Фатимой порезали вместе. Хади и Али тоже пришли нам на помощь. Вплоть до утра они резали, а я подшивала края на своей швейной машинке. Утром, когда Али и Хади ушли, мы с Фатимой по очереди сменяли друг друга за машинкой, как вдруг у нас закончились нитки. В поисках новых я обыскала весь городок, но нигде не было специальных ниток, подходящих для моей машинки. В итоге нам пришлось купить обычные, с которыми было намного тяжелее работать. Машинка постоянно рвала эти нитки во время шитья и ломала иголку, но, несмотря на трудности, мы всё же завершили работу. Придя вечером домой, Али очень обрадовался, когда увидел платки, и тут же накинул на плечи один из них.

Рассказывая эту историю маме, я не смогла сдержать слёз и замолчала, глядя на фотографию Али. Мама тоже вытирала глаза влажными пальцами.

– Родная, хватит...

Прижав фото к груди, я уверила её:

– Обещаю, я больше не буду плакать.

Но я не смогла сдержать обещание даже на секунду, и мама забрала фотографию у меня из рук.

В это время в палату вошла медсестра с тележкой, и я принялась торопливо вытирать слёзы. Поздоровавшись, сестра любезно обратилась ко мне:

– Панахи-ханум, как вы? Что-то случилось?

Кладя фотоальбом в сумку, мама беспокоило сказала медсестре:

– Ради Бога, скажите, можно ли ей вот так переживать и печалиться?

– Это же вредно для ребёнка, – с упреком посмотрела на меня медсестра и, положив руку мне на плечо, добавила: – Панахи-ханум, вам теперь уже следует заботиться не только о себе, но и о ребёнке.

– Всё хорошо. Просто я затосковала немного...

Вытерев слёзы, я приподнялась на постели и подвинулась к еде, которую принесла медсестра. На подносе были миска с супом и тарелка риса с мясом.

– Теперь с аппетитом пообедайте, а потом немного отдохните. После двух начнётся время визитов. Уверена, что ваши гости приободрят вас.

* * *

Второго января, задумавшись, я смотрела на часы, висевшие на стене. Мне так хотелось, чтобы побыстрее наступило два часа, потому что со вчерашнего дня было как-то особенно тоскливо на сердце.

Мансуре-ханум и Насер-ага с большим букетом цветов вошли ко мне в палату. Увидев меня, они улыбнулись, но я заметила, что глаза их были красными. Я понимала, как трудно им было видеть внука, осознавая, что его отца больше нет в живых. Мне стало так больно за них, что я почувствовала, как огромный ком подкатил к горлу.

Родители Али были до сих пор одеты в чёрное. Боль от утраты их сына Амира оставалась свежей, но рана от гибели Али огнём сжигала их сердца. Меня очень обеспокоило их состояние, так как я знала, что видеть меня в таком положении для них будет особенно тяжело.

«Сколько же терпения у этих двоих, – думала я. – Не прошло и дня, как родился мой сын, а я уже так скучаю по нему... Каково же родителям Али, которые потеряли сразу двух сыновей?»

Они сели на стулья рядом с кроватью. Прошло немного времени, и Насер-ага, как обычно, вернул себе весёлый облик и, вновь взяв на себя роль души компании, начал беседу:

– Мы видели нашего внука. Он так похож на своего отца, его абсолютная копия!

– Я попросила принести ребёнка, чтобы ты смогла его накормить, – сказала Мансуре-ханум, беспокоясь о состоянии внука. – Родная, будь внимательна, первое молоко не должно пролиться. Даже принуждая, накорми его, чтобы это молоко укрепило его кости и сделало такими же сильными, как у Али.

Спустя немного времени палата уже была заполнена гостями так, что некоторые сидели на кровати мамы. Все спрашивали о моём состоянии, дарили цветы, интересовались здоровьем ребёнка и отправлялись к нему, чтобы увидеть. Некоторые уходили, посмотрев на него, а другие возвращались ко мне в палату и рассказывали всем о своих впечатлениях. В это время мама, Ройя и отец угощали гостей сладостями, заметно пополнившимися в палате, а Нафисе, которая очень любила детей, с момента своего прихода не отходила от окошка, из которого можно было видеть малыша.

Слыша, как все делились впечатлениями и описывали малыша, я загорелась желанием увидеть его как можно скорее. Приблизительно к четырём часам по громкоговорителю объявили, что заканчивается время посещений. Гости стали постепенно уходить, со мной остались только Насер-ага, Мансуре-ханум, папа и мама. Отец Али, очень вежливый, обходительный и общительный человек, рассказывал моему отцу, как они однажды приезжали к нам в Дезфуль, и притом с такими подробностями и шутками, что все с абсолютным вниманием и удовольствием погружались в его истории.

– Когда я хотел лечь в больницу для операции на глазах, с утра и до самой ночи Мансуре постоянно твердила мне: «Наша дочь живёт в условиях непрекращающихся бомбёжек! Поезжай и верни её!» Она столько раз повторяла мне это, что вместо того, чтобы поехать в больницу, мы в итоге приехали в Дезфуль. Сколько бы я ни повторял ей, что мои глаза уже не видят и за рулём я теряю зрение, она меня не слушала. Ночью, в темноте, когда зрение моё становилось ещё хуже обычного, мы встретили на улице друзей Али, которые показали нам его дом. Мы подъехали к дому и постучались в дверь. Когда же её открыла Фереште, я спросил: «Кто ты?» – «Это я, Фереште. Ваша невестка». – «Если ты наша невестка, то что ты тут делаешь?» – «Ну, здесь ведь дом вашего сына Али». – «Зря! К чему моему сыну дом в таком месте?! Собирайся, мы хамаданцы. Собери все вещи, и мы возвращаемся в Хамадан».

И вот эта невестка неведомым мне образом своим сладким языком смогла меня как-то успокоить и подвести к накрытому столу с ужином. Я даже не помню, как вошёл. Это был просто ужас, то место даже нельзя было назвать домом. В ту ночь я решил, что буду спать во дворе, так как там тепло, несмотря на то, что на улице зима. А невестка тогда сказала: «Во дворе нельзя. Там ведь небезопасно, вдруг ночью начнётся бомбёжка!» – «Нет-нет! Не будет никакой бомбёжки! Я буду спать именно там».

В результате спора с Фереште победителем, конечно, оказался я, и мы принялись подметать двор. Но она не сдавалась и продолжала пытаться отговорить меня от этой затеи, предупреждая о том, что в тех краях водятся скорпионы.

«Ха! Запугиваешь меня скорпионами? К чему мне вас беспокоить сейчас на ночь глядя... Я всё равно лягу здесь».

Я лёг спать и рано утром проснулся, чтобы совершить утренний намаз, после которого отправился в соседнюю лавку, где продавали домашнее молоко, и купил там немного свежего парного молока и хлеба. Не успел я войти во двор, как увидел, что Фереште стоит с тапочкой в руках на моей постели. Увидев меня, она сразу закричала: «Скорпион! Я же просила вас не спать здесь. Смотрите, какой он большой!» – «Погоди! Не убивай его! Если он со вчерашнего дня был в моей постели и не тронул меня, то и ты не спеши убивать его. Не ты же ведь подарила ему жизнь, чтобы так необдуманно отбирать её».

Эх... да... Мы тогда не только не смогли вернуть домой наших детей, но и сами волею судьбы остались в Дезфуле...

В это время в палату вошла медсестра и, прервав историю Насера-аги, сказала:

– Прошу прощения. К сожалению, время посещений закончилось, и вам необходимо покинуть палату.

Попрощавшись со мной, Насер-ага вместе с папой и мамой вышли, беседуя между собой, и я снова осталась одна в палате, наполненной ароматом благоухающих цветов. Помню, что в ту ночь я смогла хорошо выспаться.

На следующее утро после завтрака мама помогла мне одеться.

– Папа пришёл и ждёт тебя в зале ожидания, – сказала она.

Две медсестры с корзиной цветов, подарочной коробкой и Кораном стояли рядом со мной по указанию главврача и в знак уважения должны были проводить меня до дома. Я села в кресло-каталку, и меня привезли в зал, где, как и сказала мама, в ожидании сидел отец. Он тут же подошёл ко мне, а мама пошла за малышом. Хотя я и была тепло одета, как только мы

вышли из больницы, мне тут же стало холодно. На улице лежал снег, а воздух был леденящим. С помощью медсестёр я встала с кресла и села в машину, на двери которой был логотип больницы Фатимийе. Через окно машины я увидела маму, осторожно спускающуюся по лестнице с ребёнком на руках. Водитель машины, в которую я села, ждал, пока с места тронется автомобиль отца.

Было такое ощущение, что деревья и крыши покрасили в снежно-белый цвет каким-то спреем. Всё вокруг было белым и холодным. Проехав мимо остановки Аббасабад, мы заехали на улицу Мирзаде Эшки, на которой с крыш домов свисали ледяные сосульки. Люди осторожно передвигались по снегу. Проехав улицу Мирзаде Эшки, я невольно обернулась и посмотрела на улицу, на которой мы жили. Мимо проезжали машины, из-под колёс которых доносился скрип слипающегося мокрого снега, брызгавшего во все стороны. Мне всегда нравился этот звук.

Мы свернули на другую дорогу и проехали мимо профессионального училища имени мучеников Дибадж⁷. Папа с трудом заехал на территорию многоквартирных домов, так как снег был ещё не убран, и остановился перед шестым подъездом, вышел из своей машины и подошёл к нашей. Несмотря на снег и холод, перед подъездом в ожидании нас столпились соседи. Один из них сыпал семена гармалы в костёр, дым от которого в холодную погоду неторопливо поднимался к небу. Я увидела барашка, голову которого придерживал мясник. От леденящего душу блеяния животного сжималось сердце. С правой и левой сторон дома висели две фотографии улыбающегося Али. Соседки подошли ко мне и обняли, а одна из них при виде меня даже расплакалась. В какой-то момент блеяние барашка стихло, и, обернувшись, я увидела на снегу яркое алое пятно крови, от которого поднимался пар под звуки салаватов, которые выкрикивали люди, собравшиеся нас встречать.

Квартира свёкра была на четвёртом этаже, и я подумала, как же мне осилить столько ступенек. Одна из медсестёр взяла меня под руку и повела в подъезд. Немного поднявшись по лестнице, мы остановились, и я увидела ещё одну фотографию Али с объявлением о дате сорокового дня его смерти. Там было написано: «4 января 1988 года с 8:00–11:30 в мечети Махдийе состоится поминальное мероприятие. Женщины также могут принять участие в отведённом для них отдельном помещении». Под объявлением было подписано: «Информационный отдел операций дивизии “Ансар аль-Хосейн” провинции Хамадан и семья мучеников Амира и Али Читсазийан».

Вместе с медсёстрами мы не спеша шли наверх, все остальные из-за меня также были вынуждены подниматься медленно. Я всё ждала, что Али выбежит встречать меня и закричит: – Захра-ханум! Цветочек мой! Как ты? Цветочек мой! Цветочек мой!

Как же мне нравилось, когда он меня так называл. Комок снова предательски подступил к горлу и не позволял мне вздохнуть. Мама с ребёнком быстро поднялась наверх, чтобы малышу не стало холодно, а те соседи, которые поскорее хотели увидеть его, опередили нас и поспешили за мамой. Я спросила у медсестры:

– Какой это этаж?

– Второй.

На втором этаже также висело объявление о сороковом дне смерти Али. Всё та же фотография, где он с длинной рыжеватой бородой и улыбается. Я почувствовала дрожь в ногах и

⁷ Сейед Реза Дибадж родился 21 апреля 1948 г. в Хамадане. Учился на четвёртом курсе факультета психологии Государственного университета города Шираз. Был женат и имел дочь. Один из революционеров. Был арестован 8 июля 1972 г. и в результате жестоких пыток шахского режима мученически погиб 26 июля того же года в тюрьме Адель Абад города Шираз. Тайно похоронен на кладбище Бехешт-е Захра в третьем ряду на 33-м участке. Сейед Хосейн Дибадж родился 22 апреля 1951 г. в Хамадане. Был студентом третьего курса факультета строительной инженерии Государственного университета Амир Кабир. Арестован 10 мая 1974 г. спецслужбами шахского режима и в результате пыток погиб в тегеранской тюрьме Эвин 18 мая того же года. Похоронен рядом с братом.

уже больше не могла передвигаться. Еле добравшись до лестничной площадки третьего этажа, я остановилась. В этот момент кто-то из соседей открыл дверь и предложил:

– Прошу вас, Фереште-ханум, заходите к нам и отдохните немного. Позже продолжим путь вместе.

– Спасибо большое, мы уже дошли, – ответила за меня одна из медсестёр. – Оставшийся последний этаж мы осилим.

С верхнего этажа доносились голоса людей, произносящих салаваты, а запах гармалы распространился по всему дому. От слабости мои ноги не переставали дрожать, но мы всё же добрались до четвёртого этажа, и я почувствовала огромное облегчение.

В комнате светлой и тёплой квартиры, в которую мы вошли, были раздвинуты шторы, и солнечные лучи падали на ковер. На полу возле батареи была застелена постель, на которой уже лежал мой сын. Медсестра помогла мне присесть, и я аккуратно убрала одеяльце с его румяного личика, испытывая неопишуемую радость. Наш малыш беззаботно и тихо спал. Соседки и обе медсестры сели рядом со мной. Оглядевшись вокруг, я увидела две фотографии в рамках, на них были изображены Амир и Али. Я сказала про себя:

– Али... Ты видел нашего малыша? Видишь, какой он красивый?

Комок в горле с новой силой дал о себе знать, и я изо всех сил старалась сдерживаться, чтобы не проронить ни одной слезы. Мансуре-ханум очень любила своих детей...любила Амира, Али, Хаджи Садега и Марьям. На обеих фотографиях висели белые лилии, которые Мансуре-ханум сама бережно и заботливо привязала.

Марьям зашла в комнату, неся на подносе чай, и раздала его гостям, а Мунире-ханум, жена Хаджи Садега, расставила тарелки и предлагала сладости. За последние месяцы эта квартира столько всего успела увидеть, неожиданно наполняясь то гостями, то слезами, то криками боли.

В тот день, когда погиб Амир, Мансуре-ханум на кухне этой квартиры упала в объятия Али и стала рыдать, целовать и заклинать его словами:

– Али, ты видел Амира?

Али тихо плакал... И я никогда не забуду те слёзы.

Попрощавшись, медсестры ушли, а соседки, выпив чая и отведав сладостей, по одной подходили ко мне с поздравлениями. Поскольку я была очень уставшей, голова кружилась, а тело ныло от слабости, я решила прилечь и тут впервые услышала плач малыша. В комнату тут же вбежала мама и взяла его на руки.

– Он проголодался. Смотри, как он кривит ротик, ему надо поесть.

Сказав это, она села рядом, взяла кусочек сладостей с тарелки и принялась меня кормить. Я почувствовала, что силы стали возвращаться ко мне. В этот момент к нам зашла Мансуре-ханум и протянула мне стакан сладкого шербета:

– Выпей, чтобы твоё молоко стало сладким.

Мама взяла стакан и стала меня неторопливо поить. Я почувствовала прилив сил и взяла на руки своего сына, который, двигая губками, словно искал что-то. Завёрнутый в своё белое одеяльце, он казался ещё краснее и меньше. Он был такой хрупкий, что мне было страшно обнять его. Как только он принялся сосать молоко, бабушки с удовольствием выдохнули. Он сжал свои маленькие кулачки, и я, разжав один из них, увидела его розовые длинные ноготки.

Мансуре-ханум с дрожью в голосе умилённо сказала:

– Машалла! Как же малыш похож на Али. Он тоже был таким... Мой бедный сынок...

Я чувствовала, как проголодался малыш и с каким аппетитом он пил молоко. Проведя рукой по его белой шапочке, я засмотрелась на фотографию Али, под которой была написана фраза, принадлежавшая ему: «Только тот сможет пройти через колючие проволоки врага, кто не застрял в колючих проволоках своих собственных страстей».

Малыш закашлял, и мама тут же приподняла его, объяснив мне:

– Он поперхнулся.

Указательным пальцем она слегка надавила малышу на область между бровями. Я забеспокоилась, увидев, что ребёнок ещё сильнее покраснел. Мама тихонько постучала по спинке малыша, уложила его в постель, и он, не плача, тихонько уснул, сжав ручки в маленькие кулачки.

Почувствовав запах жареной муки, разнёсшийся по квартире, мама торопливо вышла из комнаты и отправилась на кухню. Все занялись своими делами, а я снова погрузилась в воспоминания. За неделю до того, как ушёл Али, 18 или 19 ноября, у меня сильно разболелся живот, и Мансуре-ханум приготовила домашнюю сметану. Я тогда сидела на этом же месте. Помню, как, придя в полдень домой, Али сказал: «Мама, дай мне, пожалуйста, сметаны. Может, меня уже не будет в живых, когда родится ребёнок, и я уже не смогу её поесть».

В этот момент в комнату вошла Мансуре-ханум. В одной руке она держала тарелку со сметаной, а на другую руку был надет жёлто-красный рукав в клеточку, который я сама ей сшила. Она посмотрела на меня с беспокойством, но мне не хотелось рассказывать ей, от чего я ощущаю такую жгучую и нестерпимую боль в сердце.

– Я не смогу съесть это, – сказала я и, не выдержав, громко заплакала.

В этот момент ребёнок вздрогнул, на его лбу появились морщинки, и он несколько раз потянул руки. Подбежав к нему, мама взволнованно спросила:

– Что случилось?

Прослезившись, Мансуре-ханум села рядом со мной, посмотрела на фотографии своих сыновей и сказала:

– Даже если тебе это не нравится, ты должна поесть. Это полезно. Бедный Али... он любил мою сметану.

Мама, пытаясь успокоить нас обеих, предложила произнести салаваты.

Сквозь слёзы я с болью сказала:

– Мама... Даже спустя сорок лет я всё равно буду помнить об Али. Вплоть до Судного дня... он будет в моём сердце.

Мансуре-ханум со стоном закричала, лицо её пожелтело, а глаза потухли.

– Мансуре-ханум, с вами всё хорошо? – забеспокоилась мама.

Она молча кивнула. Мама обернулась ко мне, опустила ложку в сметану, в которой было несколько красивых лепестков шафрана, и сказала:

– Ты покушаешь сама, или тебя накормить?

У меня совсем не было аппетита, и я плохо себя чувствовала от запаха жареной муки и шафрана, заполнившего всю квартиру. Я вспомнила халву, которую готовили на поминках Амира и Али, и задыхалась от слёз.

– Я очень скучаю по Али...

Мансуре-ханум тихо встала и ушла, а мама сказала:

– Смотри, дорогая Фереште, если будешь плакать... Мы же договаривались о том, что не будем плакать среди людей. Ты должна быть сильной, завтра сороковой день смерти Али. Может быть, среди гостей будут и лицемеры, которых ты обрадуешь своей слабостью. Ты должна быть стойкой. Помнишь, как вёл себя Али, когда погиб Амир? Ты тоже должна быть такой. Твой сын не сирота, он сын героя, а ты – жена героя, и я не прошу тебя, если ты позволишь себе проявлять слабость. Мы сами выбрали этот путь... Ты ведь не забыла, что, когда они пришли тебя сватать, ты заявила, что выйдешь замуж за того, кто не боится войны, и что тоже хочешь служить делу революции. Так ты не хочешь выполнить свой долг? Сейчас как раз время сделать это. Разве ты не говорила, что твой будущий супруг будет храбрым и верующим, и разве Али не был таким? Теперь твоя очередь... Ты должна быть храброй и верующей. И больше не плачь. Слёзы – признак слабости, а мусульмане не слабые... в особенности моя девочка Фереште.

– Мама, я всё это знаю. Что делать... Я тоскую. Неужели нельзя позволить сердцу поску-
чать?

Раздался голос Мунире-ханум, позвавшей маму. Вставая, она сказала:

– Поешь, пока меня нет. Как только поправишься, пойдем на кладбище мучеников, и тебе станет легче.

Я подвинула к себе поднос и посмотрела в окно, шторы на котором были раздвинуты. На улице царил тишина, с неба тихо падали снежные хлопья... Я подумала о том, что сейчас могильные плиты Али и Амира, должно быть, стали белыми от снега.

Я вспомнила, что уже несколько дней ничего не писала в своём дневнике, и подумала, что напишу письмо Али, где скажу ему: «Дорогой Али, у тебя родился сын. Как нам его назвать: Мусайиб или Амир?»

От этих мыслей я снова расплакалась как ребёнок и в слезах простонала:

– Боже. Я так тоскую! Что мне делать?! Я очень скучаю!

* * *

После полудня мою постель собрали и все вещи отнесли в спальню.

Каждый вечер после смерти Али домой приходили гости, а сегодня к ночи на сороковой день его гибели людей было особенно много.

Я вместе с сыном поселилась в спальне. Все тогда говорили мне «не плачь», «не переживай», но разве можно жить в этой комнате, полной воспоминаний, не переживая и не плача? Одному лишь Богу было известно, сколько всего я перенесла и как мне было тяжело. Только Он знает, кого я потеряла... Ведь до сих пор альбом с фотографиями Али лежит на моей полке.

Когда я в самый первый раз вошла в эту комнату, моё внимание привлёк большой шкаф слева, полностью занимавший стену. Справа и слева стояли шифоньеры, а посередине располагался декоративный шкаф с полками, который был заполнен книгами, альбомами и личными вещами Али. Как же я любила эти альбомы, в которых было множество фотографий его друзей. Как только у него появлялось время, он сразу говорил мне:

– Фереште, принеси мне альбом. Посмотрим вместе старые фотографии.

На дверях обоих шифоньеров и на стене справа и слева висели фотографии его погибших друзей, а также всякие записки, повязки и солдатские жетоны. В те дни, когда я впервые оказалась в его комнате и увидела те фотографии, я очень удивилась, что у Али столько друзей, павших в бою. Глубоко вздохнув, я подумала: «Всё-таки ты сделал своё дело и отправился на эту стену памяти к своим друзьям...»

В комнату вошёл Насер-ага и спросил:

– Фереште-ханум, как бы ты хотела назвать своего сына?

– Я даже не знаю. Как вы скажете.

– Али завещал мне всё, – как обычно шутя, ответил он, – начиная с животного жира, сметаны, мёда и заканчивая всякими мелочами, такими как памперсы, но основное он забыл.

– Он сказал мне, – смущённо призналась я.

– Сказал? Что сказал? – взволнованно спросил он.

– Всегда говорил, что, если родится девочка, назвать её Зейнаб, а если мальчик – Мусайиб⁸.

– Да нет, – нахмурившись, ответил он. – Это он сказал на эмоциях, когда Мусайиб только скончался.

⁸ Мусайиб Маджиди родился 30 июня 1960 г. в селении Дарре Морадбиг вблизи города Хамадан. Служил заместителем начальника информационного отдела 32-й дивизии «Ансар аль-Хосейн» провинции Хамадан. Был близким другом Али. Присоединился к рядам павших 17 марта 1986 г. в иракском городе Аль-Фао.

– Он очень любил Мусайиба, – немного помолчав, сказала я. – Они были как родные братья.

Насер-ага подошёл и встал перед фотографией Мусайиба Маджиди.

– Мусайиб, да смилостивится над тобой Господь. Нашего сына ты тоже забрал с собой. – Повернувшись, он взглянул на меня, а затем снова посмотрел на фотографию и вздохнул. – Эх... Это ты сказал ему когда-то, что путь к мученической смерти лежит через слёзы.

Затем, сев рядом со мной, он продолжил:

– После смерти Мусайиба глаза моего сына всегда были красными...

Невольно я взглянула на изображение Мусайиба, которое было среди фотографий других героев.

Насер-ага наклонился к малышу и сказал:

– Я сам давал имена своим сыновьям: Садегу, Али и Амиру. Полное имя Амира – Мухаммад Амир, а Али родился 12 раджаба, в день рождения имама Али.

В этот момент в комнату вошла Мансуре-ханум. Мне показалось, что она всё слышала.

– Насер, имя Али должно жить вечно, – глубоко вздохнув, сказала она.

Затем, посмотрев на фотографию Амира и Али, она добавила:

– Я предлагаю назвать ребёнка Мухаммад Али в честь Мухаммада Амира и Али. Вам нравится?

– Мухаммад Али... Как хорошо. Очень, очень хорошо, мама.

Насер-ага, обрадовавшись, поцеловал в лоб Мухаммада Али, глаза которого были открыты, и, взяв его на руки и обняв, сказал:

– Давай, вставай... Пошли, как двое мужчин. Сколько можно спать?!

Как только они ушли, по квартире разнеслась волна голосов, произносящих салават, а через некоторое время донёсся запах дымка гармалы. Встав со своего места, я подошла ближе к фотографиям павших воинов и стала разглядывать их: Хамид Назари⁹, Али Дана Мирзаи¹⁰, Худджат Замани¹¹, Мухаммад Шахбази¹²...

Проведя рукой по фотографиям, я подумала о том, с какой любовью и заботой Али прикреплял их на стену канцелярскими кнопками. Отпечатки его пальцев до сих пор были заметны на некоторых глянцевых изображениях. Прижавшись лбом к фотографии Амира, которая вместе с фото Али была единственной, помещённой в рамку, я почувствовала запах рук Али, ведь совсем недавно он сам повесил её на стену.

Посмотрев на фотографию Али, я тихонько сказала:

– Дорогой, имя нашего сына Мухаммад Али, но в память о тебе я буду называть его Али.

С этими мыслями пропал и комок в горле.

Все фотографии хранили запах рук Али, и вообще вся комната пахла им. Я столько старалась, чтобы образ его белых и тёплых рук как можно дольше оставался в моей памяти... Его высокий рост, длинная рыжая борода, голубые глаза, морщины на лбу, рыжие волосы и брови...

В ту ночь Али спал в этой комнате. Нет. Мы были дома у Хаджи Садега, и, несмотря на то, что Али был очень уставшим и нехорошо себя чувствовал, ему нужно было уехать в половине третьего утра.

⁹ Хамид Назари родился 22 июня 1967 г. в селении Дарре Морабиг вблизи города Хамадан. Погиб 11 сентября 1986 г., будучи водолазом и членом разведывательного подразделения на острове Маджнун.

¹⁰ Али Дана Мирзаи родился 30 марта 1965 г. в городе Малаер. Погиб 21 мая 1984 г. во время военной операции в проливе Хаджиан.

¹¹ Худджатутла Замани родился 21 марта 1959 г. в селении Кухим провинции Кабудар Аханг. Погиб 6 августа 1983 г. во время военной операции «Ва-ль-фаджр-2» в Хадж Имране, Ирак. Его брат Ниджат Али расстался с жизнью в городе Аль-Фао 17 февраля 1986 г.

¹² Мухаммад Реза Шахбази родился 20 июня 1964 г. в селении Абруманд вблизи города Бахар, провинция Хамадан. Погиб 7 марта 1985 г. во время бомбардировки военного гарнизона Абузарр Сарполь Захаб. Его брат Самад погиб в городе Шаламче.

– Фереште, ты разбудишь меня, если я усну? – спросил он меня.

– Да, – тут же ответила я.

Лучше бы я его не будила... Лучше бы я сама уснула, и мы бы оба проспали. В глубине души я тогда догадывалась, что на этот раз он не вернётся. Откуда я это знала?.. Я помню, что в тот вечер у меня в ушах постоянно звучало:

«Фереште, внимательно смотри на него. Попытайся насмотреться и на всю жизнь запечатлеть это лицо, волосы и брови, его походку и привычку стучать пятками...»

Али всегда торопился и спешил уйти, его голубые глаза, казалось, так никогда и не отдавали здорового глубокого сна. Он всегда был начеку, но в ту ночь он заснул очень глубоко и периодически вздыхал. Зачем же я разбудила его? Почему сама тоже не уснула? Я ведь слышала эти голоса, которые постоянно визжали у меня в ушах и твердили:

– Это последний раз, когда ты видишь своего мужа. Это последние проводы... Это последняя встреча и прощание.

Когда Али лёг спать, я ушла в гостиную. Но почему я ушла? Почему не остановилась и не насытилась созерцанием его? Разве я не знала тогда, что следующая наша встреча произойдёт лишь в ином мире?

Мои размышления прервал голос матери.

– Фереште, дорогая Фереште, мне принести твой ужин, или ты сама придёшь?

Я быстро вытерла слёзы и посмотрела на своё отражение в стекле фотографии Али. Кончик носа и глаза покраснели. Я не была голодна, но всё же отправилась в гостиную, где расстелили большую скатерть для всех гостей.

Дома были близкие люди: Марьям, её муж и дочка, Хаджи Садег, его жена и дети, родители Али, бабушка и дедушка Али: Хаджи-баба и Ханум-джан – и бабушкин брат, дядя Мухаммад, который раньше жил за рубежом, но уже несколько лет, как оставил жену и ребёнка и вернулся в Иран жить вместе со своими родителями. Мне стало больно... Какой же весёлой и счастливой семьёй мы были. Что бы здесь творилось, если бы Али и Амир были живы, их шутки и смех раздавались бы по всей квартире. Почему с нами такое произошло?..

Какое странное семейное собрание у нас получилось, такое унылое и безжизненное. К вечеру Мансуре-ханум стало плохо из-за болей в почках, поэтому Хаджи Садег отвёз её к доктору. Все молчаливо и тихо сидели вокруг скатерти, лишь Насер-ага пытался поднять всем настроение.

– Эй, твой сынок убивает нас, Фереште! Почему он совсем не плачет?!

– Фереште, вместо того, чтобы плакать, он весь краснеет.

На ужин у нас был рис с гороховой и картофельной подливкой. Марьям, неся в руках поднос, прошла мимо меня, и до меня тут же донёсся запах оманского лимона.

Я села возле Мансуре-ханум и спросила у неё:

– Как вы себя чувствуете? Что сказал врач?

Лицо у Мансуре-ханум было бледным, под глазами набрякли мешки.

– Киста почки увеличилась. Врач говорит, что нужно оперировать. Ох... Скажи мне, как тут можно не нервничать?

Насер-ага, у которого на руках всё ещё был Мухаммад Али, обратился ко мне:

– Невестка, возьми своего сына. Я столько раз его щипал и кусал, но он всё равно не плачет.

– Да, – взволнованно ответила я.

– Насер, – безжизненно и вяло обратилась к нему жена, – пусть количество песчинок на могиле Али будет равно годам жизни этого малыша. Как же он похож на него. Али тоже был таким. Он не издавал ни звука, даже когда болел или испытывал боль.

– Он, конечно, был тихим и спокойным в детстве, – засмеялся Насер-ага, – но определённо компенсировал всё, когда стал взрослее. Чуть ли не по стенам бегал!

– Кто? Мой сын? – медленно выговаривая слова, произнесла Мансуре-ханум. – Не помнишь, как до своей гибели он заболел, но никому и слова не сказал? Мы поняли всё только по его нездоровому виду.

Насер-ага задумался и тихо сказал себе под нос:

– Цвет его лица говорил о тайне, которую он хранил внутри... Правду говоришь. Когда он вернулся из зоны боевых действий, состояние его было ужасным, но он ни разу не пожаловался и скрывал всё. Я тогда спросил у него, что с ним. А он лишь ответил: «Ничего». Я спросил ещё раз: «Ты простудился?» – а он лишь сказал: «Наверное». Моё предложение пойти к врачу он сразу отверг и сказал, что Фереште даёт ему нужные таблетки. Я тогда принёс ему лекарство, и он молча выпил его. Хаджи Садегу пришлось силой отвезти его к врачу, где ему сделали укол. Когда он вернулся домой, мы тут же уложили его спать. Проснулся он в полночь и пошёл на кухню. Я последовал за ним и спросил: «Тебе лучше, сынок?» – «Нет, я голоден», – ответил он.

– Я тогда проснулась от шума на кухне, – добавила Мансуре-ханум. – Придя туда, я увидела Али, сидящего на полу. Он ел яичницу и повторял: «Как вкусно! Прямо что надо!». Мы только потом поняли, что он несколько суток вообще ничего не ел.

– Да, вы правы, – подтвердил Хаджи-баба. – Али был очень стойким и сильным. Друзья говорили, что во время всех семи ранений, которые он перенёс, он не издал ни единого звука. Помнишь, как через два-три дня после свадьбы мы пригласили вас домой? Вечером в спортзале во время занятий кунг-фу он вывихнул ногу. Не понимая, в чём дело, я видел за столом, что ему не по себе, он был весь красный, но ничего не говорил.

– Да, – кивнула мама, – это произошло 28 мая в прошлом году. Я прекрасно помню тот день, так как это был день рождения Фереште. Я хотела выйти и купить торт, но Фереште не позволила, сказав, что не хочет никого беспокоить. Хаджи-баба говорит правду, я заметила, как во время ужина ему было беспокойно. Он покраснел и, сжавшись, сидел в углу. Я подумала, что он стесняется, так как они с Фереште тогда только поженились.

– Фереште, – обратилась ко мне мама, – тебе положить рис или качи?

Мне снова захотелось плакать и убежать в ту комнату, где я смогу вдоволь нарыдаться. С усилием я выдавила:

– Рис, но немного, пожалуйста.

* * *

В понедельник 4 января 1988 года в мечети Махдийе мы провели поминальное мероприятие в сороковой день со смерти Али.

В тот день я осталась дома вместе с несколькими соседками, которые пришли ко мне, чтобы не оставлять одну. Мероприятие началось в 9 утра и закончилось в половине 12-го, однако все вернулись после часа. Как рассказывали, по всей провинции было проведено около 60–70 поминальных мероприятий в честь Али в различных городах и сёлах. Большое количество людей посетило мечеть Махдийе, а на обед пришло много гостей к нам домой. Заранее обо всём подумав, Хаджи Садег для всех заказал еду на дом.

Знакомые и родственники в мечети спрашивали обо мне, некоторые из них только там узнали о рождении Мухаммада Али, а после обеда близкие люди пришли домой навестить нас. Многие принесли мне и сыну подарки, среди них были одеяла и одежда, а также игрушки для малыша. Несколько родственников подарили мне отрез материи и разноцветный платок, учтиво призывая перестать надевать чёрное и выйти из траура. Некоторые из них и вовсе настаивали на том, чтобы пойти в салон красоты, если я дам на то согласие. Среди гостей была светленькая женщина моих лет. Она всё время сидела рядом со мной и проявляла заботу. Как бы я ни пыталась понять, кто она, но так и не вспомнила и решила, что наверняка это супруга одного из товарищей Али. В конце концов она сама обратилась ко мне:

– Панахи-ханум, вы, наверное, меня не знаете?

– К сожалению, нет. Сколько бы я ни думала, не могу вас вспомнить.

– Вы имеете на то полное право, но вас знают все, так как вы супруга самого Али Читсазийана. Кто в Хамадане не знает о нём.

– Спасибо большое, – еле слышно пробормотала я. – Вы очень любезны.

– Мы в прошлом году после праздника в мечети Махдийе учились стрельбе. Помните? Вы нас там не заметили, но все женщины мимикой или как-то иначе указывали на вас, говоря, что вот та высокая девушка – жена Али Читсазийана. Я не знаю почему, но мне тогда показалось, что раз вы жена командира, вы, должно быть, стреляете лучше всех нас.

Незнакомка засмеялась и добавила:

– Но во время стрельбы все пули пролетели мимо мишени.

Мне тоже стало смешно от тех воспоминаний, и я улыбнулась.

Тем временем Марьям с большим подносом в руках, наклоняясь, предлагала чай всем гостям, сидевшим в гостиной, а Нафисе с сахарницей в руках следовала за ней.

– Панахи-ханум, – продолжала незнакомка. – Мы состоим в кружке «Сопrotивление» при мечети Махдийе и вместе с другими сёстрами занимаемся издательской деятельностью. Я прошу прощения... Но если бы вы смогли поделиться какими-то интересными воспоминаниями о супруге, мы могли бы это напечатать.

Затем она открыла свою сумку и достала тетрадь с ручкой.

Я погрузилась в мысли и воспоминания об Али, но в тот момент мне ничего не приходило в голову, и я сказала ей:

– Но я ведь не была с ним во время военных действий, а у Али не было привычки рассказывать о войне.

– То есть он ничего не рассказывал об операциях, о своих друзьях, о ранениях? – с удивлением спросила она.

– Ничего. Если я и узнавала что-то, то не от него, а от его друзей. О себе самом он ничего не рассказывал.

– Прошу прощения... Когда вы вышли замуж?

– В марте 1986 года.

Незнакомка стала считать на пальцах рук и сказала:

– То есть вы жили вместе приблизительно год и восемь месяцев?

– Да, приблизительно так.

– Наверняка у вас есть какие-то воспоминания того времени?

Я снова погрузилась в мысли и стала размышлять о том, каким воспоминанием мне поделиться: о жизни в Дезфуле или о поездке в Мешхед и Кум, рассказать о нашей свадьбе или же о приключениях в больнице Сасан...

– Извините, а в чём цель этого интервью?

– Ну, я думаю, что люди хотят знать о командирах, о том, какие они люди, и особенно о том, каковы они в личной жизни, в отношениях с супругой, с семьёй...

Я улыбнулась в ответ на её слова и сказала:

– Люди знают Али лучше, чем его семья и я. Он известен своей храбростью, своей любовью к имаму Хомейни и внимательностью к его изречениям. Во всех своих речах Али постоянно повторял одну мысль: «Не давайте идеям имама оставаться неисполненными». Он был очень дружелюбным и общительным человеком.

Моя собеседница безнадежно посмотрела на меня, положила ручку в тетрадь и, закрыв её, спросила:

– То есть вы хотите сказать, что у вас нет ни одного воспоминания?

У меня было очень много воспоминаний об Али: с первого дня, как он засватал меня, до того момента, когда мы в последний раз попрощались. Я даже все эти даты 1986–1987 годов

отметила в календаре, так как имела особое увлечение записывать некоторые воспоминания и события нашей совместной жизни. Даже если я не имела возможности подробно описать их, то особенно важные события отмечала в ежедневнике хотя бы одним словом или небольшим пояснением. К тому же я собирала на память очень много вещей, хранила все его письма, все его подарки, начиная с мохра¹³ из Кербелы и заканчивая молитвенным ковриком, чётками, кусочком материи, который он привёз после встречи с имамом, небольшими флаконами масляных духов, которые он наносил за уши перед намазом. Но я подумала: «Какую пользу могут принести людям мои личные воспоминания о его жизни?»

Увидев, что я замолчала, настойчивая собеседница прервала мои размышления словами:

– У вас нет никаких воспоминаний?

– Извините, – улыбувшись, сказала я. – В такой обстановке и состоянии мне трудно что-то вспомнить.

Она не стала больше настаивать и положила свои письменные принадлежности в сумку. Выпив чая и отведав сладостей, она вышла, взяв с меня обещание дать интервью как-нибудь в другой раз.

* * *

Ночью, когда все гости ушли, мы собрались вместе в своем маленьком семейном кругу. Мансуре-ханум было плохо. Она не хотела прощаться с Марьям, которая собирала свои вещи и рано утром уезжала с мужем, а Насер-ага и все остальные молча и печально сидели в углу. Мама, обтирая Мухаммада Али влажным платком, сказала мне:

– Фереште, ты тоже собери вещи. Завтра поедем вместе. Твой отец один, а девочки идут в школу. Даже не знаю, что они там дома натворили за все эти дни.

Она уложила в постель внука, запах которого заполнил всю комнату. Это был запах его присыпки, молока и детского мыла. Я встала и начала складывать в сумку его вещи, собрав всё заранее, чтобы утром ничего не забыть. Мухаммад Али проснулся, он всё ещё был красным, но его опухлость уже прошла, из-за чего он казался ещё более худым. Лёжа, он смотрел в потолок своими серыми глазками и совсем не капризничал. Я взглядом поймала на стене фотографию Али, который печально смотрел на меня, и произнесла:

– Дорогой Али, чем ты обеспокоен? Все надежды женщины зависят от мужа. Теперь, когда тебя нет, я испытываю здесь другое ощущение. Мне кажется, что я здесь буду лишней ношей.

Я уходила и не знала, как скоро вернусь в эту комнату воспоминаний, в которой мы жили, когда Али возвращался из зоны боевых действий... комнату, которая пахла им... комнату, где висела его одежда. На полках в библиотеке были его книги, записки и альбом с фотографиями, которые он бесконечно любил. Уходя, я подумала, что лучше мне забрать его фотографию в рамке, но, потянувшись к ней, я застыла. Как бы я ни старалась, я не могла отнять руку. Вдруг я услышала голос Насера-аги:

– Фереште, что ты делаешь?

Сумев, наконец, оторвать руку от фотографии, я сказала:

– Насер-ага, завтра я хочу вернуться в отцовский дом. С вашего позволения, я хотела забрать фотографию Али.

– Ты хочешь уйти? – с удивлением спросил он и, повернувшись к двери, стал звать жену. – Мансуре! Мансуре! Смотри, что тут говорит Фереште! Она хочет уйти!

¹³ Мохр – небольшая плитка из камня или прессованной глины, к которой мусульмане-шииты прикладываются лбом во время совершения намаза (*прим. ред.*).

Через некоторое время Мансуре-ханум, мама, Хаджи-баба и Ханум-джан показались в дверях. Заметив мои собранные вещи, Мансуре-ханум не выдержала и заплакала. Посмотрев на неё и не зная, как мне быть и что говорить, я тоже расплакалась. Насер-ага также еле сдерживал слёзы. Пришла Марьям и, увидев плачущую мать, встревоженно спросила:

– Мама, что случилось?

Мансуре-ханум плакала с такой болью, что дрогнуло бы самое каменное сердце. Дочь обняла её, но вместо того, чтобы успокоить, тоже заплакала. Атмосфера была настолько тяжёлой, что каждый входящий в комнату и видящий эту сцену невольно начинал плакать. Я знала, что в последние дни и во время мероприятия все сдерживались и старались не заплакать на радость врагам, отдавая им в руки козырь. Единственный, кто всё ещё держался, был Насер-ага. Собрал все силы в кулак, он сказал:

– Души Али и Амира сейчас с нами. Давайте произнесём салават для них.

Последовав его предложению, мы все произнесли салават.

Дядя Мухаммад сидел возле Мухаммада Али и играл с ним. Посмотрев на них, Насер-ага продолжил:

– Я уверен, что души Али и Амира наблюдают за нами, поэтому, во имя всего святого, прошу вас, давайте не будем плакать.

Все услышали, как дрожал его голос, он был словно потрескавшееся стекло, готовое разбиться при малейшем движении.

Мансуре-ханум, Марьям и мама успокоились, а Насер-ага, обернувшись, сказал мне:

– Фереште, дорогая, теперь скажи нам. Ты устала от нас? Тебя кто-то обидел?

– Нет! – не задумываясь, воскликнула я. – Клянусь, нет никаких обид.

Мансуре-ханум снова заплакала:

– Так почему же ты хочешь уйти?

– Я не хочу доставлять вам неудобство, – посмотрев на маму, сказала я. – Мама тоже хочет пойти домой, ведь отец и сёстры там одни.

Мансуре-ханум прижала к груди внука и, рыдая, сказала:

– Куда ты хочешь увезти моего любимого внука? Дорогие Амир и Али... Господи. Амир... Али... Куда вы хотите уйти?

Дрожащим голосом Насер-ага обратился к нам:

– Нет, дорогая. Не говори так. Это слова чужих друг другу людей, но ты ведь нам родная. Ты наша дочь, а Мухаммад Али – наш внук. О каких ещё неудобствах может идти речь? Это ваш дом... Слава тебе, Господи, если оба моих сына стали мучениками, значит, они были достойны этого, и Ты принял их. Господи, хвала Тебе за то, что наши дети не стали причиной нашего позора и унижения. Хвала Тебе за то, что наши дети являются поводом для нашей гордости и величия. Господи... Тысяча восхвалений Тебе за то, чем Ты щедро одарил нас, и тысяча восхвалений за то, что так красиво забрал.

Немного помолчав, Насер-ага, чтобы разрядить обстановку и поднять всем настроение, начал шутить:

– Нет, действительно, ты лучше заведи этого ребёнка. Он нас уже добил. Вы посмотрите на него! Совсем не плачет и не капризничает! У меня уже пальцы покраснели от того, сколько я его щипал! Вот дети были раньше – капризничали и кричали так, что их голос доносился до людей из соседних домов.

Увидев плач Мансуре-ханум и услышав слова Насера-аги, я решила остаться, ведь мне и самой было тяжело расстаться с этой комнатой, в которой витала какая-то особая аура, дарившая мне ощущение присутствия моего мужа. Я хотела, чтобы поскорее наступила ночь, хотела вместе с сыном лечь в комнате Али, где я всегда видела его во снах. Ту ночь и все последующие мы ложились спать именно там.

* * *

Мухаммаду Али исполнилось три месяца. Иногда мы ездили в гости к Хаджи Садегу на несколько дней, порой отправлялись к маме, но нашим основным домом был дом Насера-аги.

Здоровье Мансуре-ханум оставляло желать лучшего. Киста в её почке увеличивалась, сказываясь на общем состоянии здоровья. Насер-ага решил забрать жену в Тегеран, чтобы какое-то время она наблюдалась и лечилась там у хорошего врача. В связи с этим через два месяца я и Мухаммад Али переехали к маме, но уже тогда мы договорились, что, как только они вернутся, несколько дней в неделю я буду жить у мамы, а по четвергам и пятницам стану приезжать к Насеру-аге и Мансуре-ханум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.